
ИСТОРИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ РУССКОГО КРЕСТЬЯНСТВА ДО РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА

© 2011 г. Е. Г. Синякина

*педагог-психолог ГОУ СОШ им. А.Н. Савельева,
соискатель лаборатории истории психологии
и исторической психологии Учреждения Российской академии наук
Института психологии РАН, Москва;
e-mail: sinyakin@tm-net.ru*

Изучаются психологические характеристики русского народа на примере народообразующей социальной группы русского дореволюционного общества – крестьянства. В результате исследования с помощью метода психолого-исторической реконструкции выявлены основные черты его менталитета: трудолюбие, целеустремленность, любознательность, наблюдательность, религиозность, собранность, честность, чувство собственного достоинства и др.

Ключевые слова: русское крестьянство, дореволюционный период, община, менталитет.

В условиях духовного кризиса, переживаемого современным обществом, важной задачей является поиск путей и средств духовно-нравственного воспитания личности. Одним из источников решения этой задачи является обращение к историческим ценностям материальной и духовной культуры нашего народа, т.е. к особенностям его менталитета, традициям, обычаям, нормам жизни, взглядам и нравственным ориентирам бытия.

Менталитет народа формируется веками и является базовым образованием, через которое преломляются любые социальные воздействия и которое во многом определяет меру включенности народа в общественную жизнь, его отношение к различным сторонам действительности¹. Очевидно, что всестороннее исследование и учет менталитета – основа продуктивного развития общества. Сегодня зачастую многие реформы не приживаются на русской почве именно потому, что их разработчиками не учитываются особенности русской ментальности.

Народообразующей социальной группой русского общества на протяжении многих веков выступало крестьянство. По мнению Л.Н. Толстого, оно представляло собой основную “жизненную силу” русского народа. Русское крестьянство создавало и укрепляло народные традиции, обычаи,

идеалы, ценности, нормы и духовные ориентиры исконно русских форм бытия. Главным образом под влиянием крестьянства складывались мировоззрение народа и культура России в целом. Во многом именно оно определило и особый путь исторического развития нашей страны, своеобразие русского менталитета.

Исходя из сказанного выше целью нашего исследования стала реконструкция психологических характеристик русского крестьянства дореволюционного периода.

Основным методом, используемым при проведении исследования, являлась процедура психолого-исторической реконструкции (В.А. Шкуратов; В.А. Кольцова и др.), а также методы качественного анализа и описательной психологии: метод интерпретации текстов; методы понимания, вчувствования, аналогии; комплексный метод.

В качестве источников изучения проблемы выступили работы отечественных психологов, посвященные исследованию психологии крестьян как большой социальной группы советского общества (О.И. Зотовой; В.В. Новикова; Е.В. Шороховой); труды этнографов, культурологов, историков (М.М. Громыко; А.В. Терещенко и др.); материалы Русского императорского географического общества и этнографического бюро, содержащие всестороннюю информацию о труде, быте, традициях, психологических особенностях крестьян разных регионов дореволюционной России;

¹ Словарь по общественным наукам. Материалы сайта <http://www.glossary.ru/>.

мемуары помещиков (В.В. Селиванова; А.Н. Энгельгардта); писателей-народников (Н.Н. Златовратского; Г.И. Успенского); труды славянофилов (К.С. Аксакова; А.С. Хомякова; И.В. Киреевского; Ю.Ф. Самарина); поэтическое наследие русского народа (пословицы и поговорки; русские народные сказки; обычаи, обряды; былинное творчество; колыбельные и народные песни); произведения русских писателей (А.С. Пушкина; И.С. Тургенева; В.А. Никифорова-Волгина).

Говоря о роли народа в жизни дореволюционной России, Г.И. Успенский отмечает, что крестьяне “держат на своих плечах всех и вся”. Потому их и любят, идут к ним за исцелением от своих душевных мук [19, с. 481]. По словам Ф.М. Достоевского, главное предызбранное назначение русского народа состоит в том, чтобы “сохранить у себя божественный образ Христа во всей чистоте, а когда придет время, явить этот образ миру, потерявшему пути свои!” [8, с. 9].

Между тем, многие авторы XIX – начала XX века сознательно затемняли светлые стороны деревенской жизни и отрицали добрые чувства в простом народе, которые могли бы привить к нему уважение и сочувствие. Шельмование деревни опровергли сами крестьяне, выдвинув из своих рядов многих выдающихся граждан России – художников, писателей, деятелей науки, восславивших русский народ, раскрывших в своих творениях и показавших собственной деятельностью тонкий душевный мир человека из деревни. Очевидно, что благожелательная оценка народа, открывающая лучшие его качества и созданные им культурные ценности, способствует развитию сильных сторон народного характера, раскрытию его потенциалов и возможностей.

Фольклористы и литературоведы, искусствоведы и музыковеды признают огромное влияние крестьянского творчества на многих выдающихся деятелей искусства. Известно, что дворяне восхищались *крестьянской сметливостью в хозяйстве, их художественным творчеством*. Помещики и чиновники, обладавшие здравым смыслом, считались с *крестьянским опытом и обычаями*. Примечательно, что в инструкциях своим управляющим помещики приказывали: “Поступать во всем так, как крестьяне обычай имеют свой хлеб возделывать”. Как отмечал в своем выступлении в I Государственной Думе тамбовский крестьянин Рябов, “все ученые-агрономы практике у нас учатся, а не мы у них” [цит. по 7, с. 13].

Смысл жизни русского крестьянина состоял в работе на земле, в общении с нею не просто как с источником или средством существования,

а как с некой сакральной сущностью, родной и живой. Не случайно в русском народе ее называли “землей-матушкой”. По утверждению Г.И. Успенского, сила земли “имеет неограниченную и могущественную власть над народом”. Об этом он пишет в своих очерках под одноименным названием “Власть земли”: “...огромнейшая масса русского народа до тех пор и терпелива и могуча в несчастиях, до тех пор молода душой, мужественно-сильна и детски-кротка... покуда над ней царит власть земли, покуда в самом корне его существования лежит невозможность послушания ее повелений, покуда они властвуют над его умом, совестью и наполняют все его существование” [19, с. 480]. Развивая эту мысль, автор отмечает: «Оторвите крестьянина от земли, от тех забот, которые она налагает на него, от тех интересов, которыми она волнует крестьянина, – добейтесь, чтоб он забыл “крестьянство” – и нет этого народа, нет народного мирозерцания, нет тепла, которое идет от него. Остается один пустой аппарат пустого человеческого организма. Настает душевная пустота, “полная воля”... безграничная пустая ширь, страшное “иди, куда хочешь” ... У земледельца нет шага, нет поступка и мысли, которые не принадлежали бы земле. Он весь в кабале у этой травинки зеленеющей. Его невозможно оторвать из-под ига этой власти. Он слушает только то, что велит ему земля и ни в чем не бывает виноват, потому что беспрекословно выполняет ее повеления» [там же, с. 478–479, 482].

О глубинной связи русского мужика с землей повествует былина о богатыре Святославе, который не мог сравниться по силе с земледельцем Микулой Селяниновичем. Желая догнать его на лихом коне, он делает это с большим трудом, в то время как крестьянин-земледелец идет тихим шагом, неся за плечами котомку. Пытаясь поднять крестьянскую суму, богатырь не смог “тягаться” с ним, весь покрывшись потом и кровью. Лишь “на волос” сумел он оторвать суму от земли. На вопрос, что же в ней находится, крестьянин отвечает: “Мать – сыра земля, которая меня любит” [цит. по 19, с. 479–481].

Любовь к земле, трепетное отношение к ней определяли *целеустремленность* русского крестьянина и *сосредоточенность* на объекте своего труда. Направленность его личности порождала *интерес* ко всему, что касалось сельского хозяйства. “Какое счастье, – пишет Г.И. Успенский о крестьянстве, – не выдумывать себе жизнь, не разыскивать интересов и ощущений, когда они сами приходят к тебе каждый день, едва только открыл глаза” [19, с. 483]. Тем, что не относится к смыслу

его жизни, народ, как правило, не интересовался. Так, Г.И. Успенский вспоминает лишь об одном случае, когда его знакомый крестьянин, Иван Ермолаевич, заинтересовался тем, что пишут в газетах. Он хотел узнать о том, действительно ли упала с неба на землю большая корова, на которой написано слово “Россия”, что, по мнению крестьян, является знаменем скорого передела земли и появления больших наделов для крестьян. Во всех других случаях, когда автор заметок пытался заговорить с этим крестьянином о мировых новостях, он только зевал в ответ и был рассеян, никогда не слушая барина [19, с. 487–488].

Даже в Священном Писании (в частности, в Откровении Иоанна Богослова) крестьяне-толкователи отыскивали отдельные указания относительно возвращения и прибавления земельных наделов (хотя прямого откровения об этом нет). Везде, где они видели слова “и соединиша... и соединихом... и соединих...”, они относили их к вопросу о земле. Сначала разделили (“разделихом” – это тоже о наделах), а потом придет Царь-Избавитель и все вернет, “соединит” [там же, с. 491–493].

Таким образом, народная психология формировалась под влиянием органической, неразрывной связи человека с землей.

Практика крестьянского хозяйства отличалась гибкостью, приспособляемостью к сложным климатическим условиям России, вниманием к тончайшим деталям при обработке почв, уходе за культурами, сборе урожая. Так, по характеру деревьев, трав и кустарников земледельцы XVIII века умели определять качество почв. Только в Центральной России было выявлено до 10 видов почв, годных под пашню. Это позволяет с уверенностью сказать, что крестьяне хорошо знали природно-климатические условия России и организовывали свою деятельность на основе их учета.

Необычайной глубиной отличались и народные наблюдения за погодой. На это, в частности, указывает Г.И. Успенский: “Если на Крещение в полдень облака густые кучевые и имеют фиолетовый оттенок, то через полгода будет ясная солнечная погода” [там же, с. 392–393]. Одна из заслуг крестьянства состоит в том, что оно создало свой народный календарь, по которому жило столетиями. Для этого необходимо было обладать высоким уровнем наблюдательности, особой художественной чуткостью природы, приметливостью. Безусловно, крестьянина интересовало, какая будет погода завтра или через полгода, когда наступит жаркая страдная пора и нужно будет косить, убирать хлеб. Важно было угадать, сол-

нечно или дождливо будет в это время. А для этого необходимо было тщательно отслеживать все природные явления – наблюдать, анализировать, делать выводы. Несомненно, такая особенность русского крестьянина, как наблюдательность, была связана с его постоянной заботой об урожае – *деле всей его жизни, источнике и смысле его существования*². Таким образом, наблюдательность, по сути, выполняла *прогностическую функцию*, обеспечивая крестьянина знанием относительно грядущей урожайности и тех проблем, с которыми ему предстоит встретиться во время посевных уборочных работ. Она способствовала также *снижению тревожности* по поводу сложнейших проблем выживания.

В дошедших до нас оценках русских крестьян подчеркивается их *любопытность, смекалка, рассудительность*. В 1834 году А.С. Пушкин писал: “О его (русского крестьянина – Е.С.) смелости и смекалки и говорить нечего. Предприимчивость его известна. Проворство и ловкость удивительны. Путешественник ездит из края в край по России, не зная ни одного слова по-русски, и везде его понимают, исполняют его требования, заключают с ним условия” [12, с. 200].

С мнением великого поэта перекликается характеристика крестьян Пошехонского уезда, данная уроженцем этих мест, священником А. Архангельским в 1849 году в этнографическом описании народа этого региона: “Здесь крестьяне не так образованы, как в других местах, ... потому что по большей части они проживают дома... Впрочем, несмотря на необразованность, они *одарены хорошими умственными способностями*. Что они *понятливы и имеют хорошую память* видно из того, что весьма хорошо понимают сказанные поучения и долго их помнят, какого бы они рода ни были – практические или догматические. Вообще должно заметить, что здешний народ внимателен ко всему: каждый предмет, особенно новый, занимает его, и потому он обращает на него свое внимание. Кроме того, здешний народ весьма *деятелен и трудолюбив*, так что без какого-нибудь дела... не может пробыть даже в воскресные дни. Поэтому после каждого праздника он очень скучает о том, что несколько дней сряду был в праздности и бездействии. Память, внимание и понятливость здешнего народа доказываются еще

² Размышления об урожае представлены во всех обрядовых песнях-величаниях русских праздников – в новогодних колядках, в песенной традиции зазывания Весны-Матушки и Красного Солнышка, в песнопениях во время Осенины или Спожинока [7].

и тем, что молодые люди очень быстро перенимают незнакомые им песни, и старые очень хорошо помнят те, которые часто пелись во время их молодости. Сметливость здешних жителей видна из того, что они мастера считать, и считают быстро, даже без счетов. Они смышлены: все почти здешние крестьяне сделают все, что не увидят, *не хуже мастера...* В этом отношении женщины не уступают мужчинам” (курсив мой – Е.С.). И далее: “Почти все крестьяне здешнего округа умеют во все вникать и скоро понимать то, чему учатся, или что хотят узнать; они также очень трудолюбивы и проворны” [цит. по 6, с. 34].

Этим словам священника вторит другой батюшка – И. Троицкий, составивший для Русского географического общества описание сельских жителей Каширского уезда: “Действительно, здешним жителям нельзя не отдать в некоторых отношениях преимущества. Так, здешний житель готов вступить в разговор с кем угодно и, если нужно, рассуждать о всяком предмете, не превышающем круга его познаний. В нем есть и сметливость, потому что он умеет молчать и вовремя высказать, что нужно, есть и рассудительность...” [цит. по 6, с. 35].

О значительном интеллектуальном потенциале русского крестьянства свидетельствует и присутствующая ему необыкновенная *тяга к просвещению*. Для человека, выросшего в какой-нибудь глухой деревне, приобретение книги и ее прочтение было радостным, хотя и редким событием. Чтение крестьянства в 80–90-х годах XIX века – явление достаточно массовое. Жители разных частей России единодушно отмечали *интерес крестьян к чтению, авторитет печатного и письменного слова* в их среде. При большом количестве неграмотных на сходке широко практиковалось чтение вслух, которое стало существенной особенностью бытования книги в крестьянской среде, позволившее вовлечь неграмотных в число читателей. Духовная литература являлась любимым чтением “огромного большинства крестьян”. Крестьяне ценили юмор в литературе. Большой интерес по-прежнему к книгам по отечественной истории.

Из Орловского уезда сообщали о приобщении крестьян к чтению через народные библиотеки, открывавшиеся на средства губернских земских управ. По отчету библиотеки в Богдановской волости за 1896–1897 учебный год она насчитывала 2864 постоянных посетителей; в отдельные дни количество их доходило до 50. Основную массу читателей составляли подростки и молодежь. Книги на дом брали в течение года 183 человека, из них 169 – крестьяне. Круг чтения крестьянства

составляли беллетристика, религиозно-нравственные, исторические, медицинские и сельскохозяйственные книги.

Немалая часть крестьян имела свою позицию в оценке разных видов литературы. Сведения о чтении крестьян из разных районов страны свидетельствуют о резком превышении запросов и потребностей над возможностями книжного рынка и книжных запасов в деревне [6, с. 57]. Обязательным было школьное образование крестьянских детей в церковно-приходских школах. К концу XIX века насчитывалось около 22 тысяч сельских школ, и училось в них более полумиллиона детей [5].

Вышеприведенные характеристики крестьян встречаются не только в ответах, поступавших на запросы Русского географического общества, специально занимавшегося изучением русского народа, но и в отчетах государственных учреждений. Вятская губернская палата государственных имуществ отмечала *прилежание, предприимчивость и интерес* вятских крестьян ко всему новому, полезному в хозяйстве. О сметливости крестьян говорится в официальном обзоре Рязанской губернии. Князь В.Ф. Одоевский, человек европейски образованный, указывает на “чуждую понятливость русского народа” [6, с. 38].

Таким образом, приведенные свидетельства позволяют сделать вывод о *природном уме русского крестьянина, его интересе к окружающему, способности воспринимать и успешно усваивать новое знание (высокой обучаемости), широте познаний в областях, связанных с его деятельностью, логичности суждений, наличии познавательной потребности*.

Фундаментальной, базовой характеристикой русского крестьянства являлась его *глубокая религиозность*. Вся бытовая сторона жизни крестьянской семьи регулировалась нормами православной веры с ее обрядами, постами и праздниками. С уставом Православной Церкви крестьяне соизмеряли свою жизнь. Русский земледелец строго следовал заветам своих предков, был верен исторической традиции. Вера народа, возможно, являлась в чем-то примитивной, далекой от четкого соблюдения церковных канонов, включала примесь суеверия и язычества, но именно она отражала мировосприятие и взгляд крестьянина на жизнь. Наряду с официальной догматической верой, в народе жила особая *религиозность – естественная, натуральная, природная*, рожденная в реальной жизнедеятельности людей и представляющая собой вид пантеистического, анимистического учения. Крестьяне обожеств-

ляли природные стихии, от которых зависело их существование и выживание в сложных условиях их бытия. Так, в наречении народом имен святых Русской Православной Церкви выражается сельскохозяйственная тематика. Так появляются на Руси Акулина-гречишница, Герасим-Грачевник, Петр и Павел-сенокосники, Екатерина-санница, Леонтий-огуречник, Ирина-рассадница, Кузьма-свекольник, Аграфена-купальщица, грозный (грозовой) Илия-пророк. И до сего дня мы именно так воспринимаем этого святого. Эти приметы достаточно полно характеризуют земледельческую народную мысль [21].

Опираясь на религиозные заветы, русские люди трудились, жили, растили детей, а когда приходил враг, брали в руки оружие и, не щадя жизни, доблестно отстаивали свои духовные ценности, веру и Отечество.

Религиозность и любовь к Родине рождали *самопожертвование и героизм* крестьянства – свойства, высоко чтимые в народе, проявляющиеся в ходе всей истории России, воплощенные в образах наиболее любимых былинных героев [5].

Каждый крестьянин *оберегал свою честь, имел чувство собственного достоинства, боялся прослыть “лентяем или прощелыгой”*. В связи с этим он *высоко ценил труд* и всегда старался работать *добросовестно* [7, с. 178]. Понятие чести у крестьян было неразрывно связано с *осознанием необходимости честного выполнения своего долга* – в труде, реализации взятых на себя обязательств. А.В. Балов на основании длительных наблюдений за поведением крестьян Ярославской губернии заключает, что любой порядочный крестьянин считает нечестным нарушить данное им слово, что крестьяне оберегают свою честь и стараются не только не быть никогда замешанными в каком-либо преступлении, но даже и заподозренными в нем. Они никогда не согласятся на обман даже в торговле, где это было допустимо [2]. Эта черта крестьянского характера воплотилась в созданных народом многочисленных пословицах: *“Мое слово – золото”, “Не давши слова – крепись, а давши – держись”, “Уговор дороже денег”* и других. Русскому крестьянину было чуждо раболепство; он презирал *“разбогатевшего на службе у барина лакея”*. *«Мужик, если он “ни царю, ни пану не виноват” ничего не боится»,* – писал А.Н. Энгельгардт [21, с. 16].

Нельзя забывать, что жизнь крестьян на селе была нелегкой – нередко приходилось переживать голод, лишения. Благодаря упорному каждодневному труду народу удавалось получать лишь самое необходимое для поддержания собственно-

го существования и жизни своей семьи. Об этом пишут писатель и этнограф Г.И. Успенский в книге *“Крестьянин и крестьянский труд”* и помещик А.Н. Энгельгардт в *“Письмах из деревни”* (*“Письмо 7-е”*). На беспросветную нужду крестьянина указывает и автор *“Путешествия из Петербурга в Москву”* А.Н. Радищев. Тяжелое материальное положение крестьян большинства российских губерний отмечается также в материалах Русского географического общества. Но при этом подчеркивается, что крестьянин не бросает своей тяжелой сельской работы, напротив, он привязан к ней с необычайной и непонятной другим слоям русского населения силой.

Неблагоустроенной была и бытовая жизнь русской деревни: *«В прежние времена изба топила “по-черному” весь осенне-зимний период: дым, обогревая жилище, выходил в маленькое отверстие в потолке. Дети, спавшие на полатах, свешивали головы вниз, чтобы не задохнуться от дымной пелены, растекавшейся по потолку и уплывавшей в верхнюю часть дверного проема. Потолок и стены в такой избе всегда были в саже. ... Но имелись при такой топке и свои преимущества: требовалось меньше дров, воздух в избе становился сухим, прокопченные стены и потолок дольше служили, а болезнетворным бактериям там и вовсе не было места»,* [5, с. 6, 14–16].

Перенесению тягот жизни крестьянину помогали присущие ему *сила воли, трудолюбие и упорство* в решении каждодневных жизненных проблем. *“Надобно быть русским человеком, чтобы трудиться так терпеливо и с таким бодрым духом в наше сжатое русское лето; немец не выдержит. Надо и жать... и молотить на семена, и вязать, и класть в скирды, и сеять – и все это в одно время. Иногда не знаешь, за что взяться, и трудно определить, что нужнее; а тут иногда еще мешает неблагоприятная погода”* [15, с. 68]. Трудолюбие русского народа находит свое отражение в произведениях русской художественной литературы, в исторических источниках и материалах Русского географического общества, в пословицах и поговорках как выражении русской народной мудрости. *“Русский народ славен трудом”*, – гласит одна из них.

Русский крестьянин дореволюционного периода – человек *нестяжательный, непритязательный в быту*. Он не стремился к изобилию и излишкам в пище или в одежде, непрестанно благодарил Бога за то небольшое, что у него есть. *«Какой бы ни была еда – скудной или изобильной – крестьяне считали ее лучше барской. Ржаной хлеб уважительно назывался “Божьим хлебушком”, и*

если он есть, мужик уже не роптал на судьбу» [5, с. 57]. Русская народная мудрость гласит: “Хлеб да вода – крестьянская еда; худ обед, коли хлеба нет”. Об этом же свидетельствуют воспоминания известной русской писательницы и педагога К.В. Лукашевич в ее автобиографической повести “Мое милое детство”: “Наше счастье было, наверно, не такое, какого желают многие... Оно было очень маленькое, скромное, тихое... Но оно делало наше бедное жилище прекраснее золоченых палат, часто придавало скромному платью вид царского одяния; простая булка казалась нам вкуснее сладкого пирога, а задушевная песня доставляла минуты искреннего веселья” [9, с. 6].

Таким образом, нелегкие условия жизни и быта крестьян повлияли на становление у них таких качеств личности, как *мужество, терпение, сильная воля*.

К нравственным императивам русского народа относятся: *уважительное отношение к старшим, забота о стариках, детях и беспомощных родственниках; милосердие в самых разных его проявлениях, помощь и взаимоподдержка; трудолюбие; твердость и последовательность в выполнении взятых на себя обязательств*. “А землешка наша мне всегда казалась *нравственнее* всех других и менее других нуждающимся в наставлениях писателя”, – писал Н.В. Гоголь [цит. по 6, с. 44]. Нравственные нормы передавались из поколения в поколение, постоянно звучали в церковных проповедях, наставлениях родителей, разъяснялись учителем, обучавшим грамоте по псалтири. Судить о том, какими морально-нравственными нормами руководствовались крестьяне, можно по их делам, характеристикам внешних наблюдателей, отдельным высказываниям самих крестьян, содержащимся в дошедших до нас письмах, в решениях сходок общины, крестьянских челобитных. Крестьянин всегда был готов поддержать страждущих, нуждающихся в помощи, слабых. При этом, как отмечает Л.Н. Толстой, крестьяне отнюдь не подчеркивали своей доброты или исключительности, не выставляли ничего напоказ; *отзывчивость, горячий отклик на чужие беды* выступали в качестве их естественных реакций – иначе они просто не могли поступать. Так, святой обязанностью русского человека считалось подать милостыню любому просящему. Как отмечалось в отчетах Русского географического общества, крестьянин любого нищего в дом проведет, в красный угол посадит, последнюю краюху хлеба с ним разделит. Рассчитывать на щедрое подавание мог каждый, вставший в воскресный или праздничный день у церкви. Даже детей пе-

ред выходом в храм родители снабжали россыпью мелкой монеты. Так, установлено, что в 1896 году среднестатистический русский крестьянин подал обездоленным 4 рубля милостыни, что равнялось в то время цене 4-х пудов хлеба [22, с. 461].

Основным укладом жизни русской деревни являлась община, представляющая собой форму коллективного труда и существования. Это не могло не сформировать у русских крестьян особого характера межличностных отношений, отличающихся *сотрудничеством, взаимопомощью*. Так, много пословиц и поговорок сложено о добрососедских взаимоотношениях в русской деревне: “*Себе согроби, а соседу удружи*”; “*Не копи именья – наживи соседей*”; “*Ближний сосед лучше дальней родни*”, “*С соседом жить – век дружить*” и другие.

Отзывчивость, соседская и родственная взаимопомощь наиболее ярко проявлялись в так называемых *помочах*. Этот обычай состоял в приглашении знакомых людей для помощи в срочных работах, с которыми семья не могла, по тем или иным причинам, справиться самостоятельно. Оказание помощи было непреложной нормой нравственного поведения крестьян, а отказ от ее исполнения жестоко осуждался общественным мнением [6]. “На помочах каждый испытывал радость от мысли, что он нужен другому, и потому обычные крестьянские работы превращались в праздник” [5, с. 6]. Масштабы распространения этого обычая в старину были очень велики. Соседская помощь односельчанам, оказавшимся в трудном положении, регулировалась системой норм поведения. Она осуществлялась общиной, направлявшей здоровых людей топить печи, готовить еду и ухаживать за детьми в те дома, где все работники были больны. Трудовая помощь во время жатвы, сева, на покосе оказывалась вдовам и сиротам. Иногда в течение ряда лет “*всемирно*” обрабатывали земельные участки сирот. Особенно распространена была помощь общины погорельцам. Сбор средств для них начинался сразу после пожара. А во время русско-турецкой войны 1877–1878 годов в некоторых общинах принимались решения сельского схода о помощи семьям ратников: летом для них косили, связывали и везли на гумно хлеб, обмолачивали его, а остальную часть убирали в скирды. В свою очередь, хозяйки угощали односельчан, участвовавших в этих работах [6].

Русский крестьянин трудился на ниве не только земной, но и духовной – над совершенствованием своих душевных качеств, стараясь вытравить “сорняки зла” и посеять “семена добра”, сотво-

рить храм в своей душе. Цели очищения души служила исповедь, которую совершали даже дети, начиная с семи лет. Этому способствовал и широко распространенный среди крестьян обычай просить прощения у близких и малознакомых людей. Русского человека вообще отличала *способность прощать*. Просили прощение у обиженного прилюдно, на мирской сходке, у домашних – перед отправкой в дальнюю дорогу, а в последний день Масленицы – “Прощеное воскресенье” – у всех, кто встречался на дороге [5].

Общение с крестьянами позволяло сделать заключение об их *такте, деликатности, толерантности*. На эти присущие им черты указывает, в частности, в одной из своих статей Н.В. Гоголь: “...верный такт русского ума сохранился доньше у нашего русского крестьянина, который, умея выразить истинное существо всякого дела, умеет выразить его так, что никого не оскорбит и не восстановит ни против себя, ни против мысли своей даже несходных с ним людей, – одним словом, тот верный такт, который мы потеряли среди нашего светского образования, и который сохранился доньше у нашего русского крестьянина. Крестьянин наш умеет говорить со всеми себя высшими, даже с царем, так свободно, как никто из нас, и ни одним словом не покажет неприличия...” [цит. по 6, с. 139].

Соборность русского народа выражалась не только в коллективном выполнении работ, но и в совместном проведении праздников. Совместная трапеза являлась *символом единства* всей общины крестьян; еда из общей посуды свидетельствовала о *взаимовыужении*. При этом главным для гостей являлось не угощение, а почет.

А какими же качествами души, умениями и навыками обладали *русские крестьянки*? В материалах Этнографического бюро сохранилась короткая, всего из двух слов, но очень выразительная запись: “Женщины красивы”. Главным достоинством русской женщины выступало ее умение быть хорошей матерью, содержать в порядке дом, готовить обед и помогать главе семьи. Смыслом жизни каждой русской женщины было *рождение и воспитание детей*. Ради этого женщина жила, желая всей душой воспитать своих детей честными людьми.

Русская *крестьянская семья* строилась по иерархическому принципу: младшие в ней подчинялись старшим. Главой семьи являлся отец; дети строго выполняли все предписания и распоряжения родителей, почитали их. Воспитывали детей в строгости – и дома, и в школе, приучая к *самостоятельности и умению отвечать* за свои

поступки. Бытовала поговорка: “*Засиженное яйцо – всегда болтун, заласканный сын – шалун*”. Вместе с тем в народной педагогике сложился воспитательный принцип, согласно которому маленький ребенок не должен плакать. Основными средствами, используемыми в воспитании детей, признавались слово и пример родителей.

В отчетах Русского географического общества выделяются не только положительные, но и отрицательные качества крестьян. Так, при описании крестьян Новгородской губернии отмечается, что мужики, выпив, били своих жен и ругались “по-черному”. В сельских общинах встречались неспособные к труду люди: слабые, или “дурачки”, как их звали на селе. Их интересовал не тяжелый крестьянский труд, а нечто иное – например, разведение голубей. Некоторые селяне с семьями покидали деревню и уезжали на службу к барину в город. В крестьянской среде их презирали, называя “лакеями”. Встречались также крестьяне с купеческой жилкой, которые бросали свой надел земли и шли торговать. Но большинство русских селян вело трезвый образ жизни и занималось земледелием – “крестьянством”. Выпивали только по праздникам. Широко гулять ежедневно было не на что. Зимой большая часть здоровых мужиков уходила из села на различные промыслы до Пасхи [5, с. 67].

Говоря о психологических характеристиках крестьянства, нельзя не подчеркнуть *яркости, поэтичности его души*. Это подтверждается повсеместным распространением пения, развитой игровой культурой, богатством и эстетическим совершенством устного народного творчества. М.М. Громыко пишет о необычайной по силе *музыкальности и природной певучести*, присущей каждому селянину. Музыкальные обряды сопровождали русского человека на протяжении всей его жизни, каждого ее дня. Певческая культура русского народа была уникальна. Н.А. Добролюбов писал: “Ни один народ не отличается такой любовью к пению, как славяне, и между ними – русский. У нас народ сопровождает пением все торжественные случаи своей жизни, всякое веселье и печаль. Еще в колыбели дети убаюкиваются песнями; подрастая, они сами выучиваются напевать народные песни. Собирается зимой крестьянская молодежь на посиделки, и здесь рождаются песни; приходит весна, выходят поселяне встречать ее, составляют хороводы, завивают венки и при этом непременно поют песни. Едет крестьянин пахать землю, он облегчает свой труд своею песнью; собираются крестьяне жать, косить в знойную рабочую пору,

и здесь песня звучит между ними, освежая их среди тяжелых трудов. Провожают лето, празднуют уборку хлеба – опять с песнями” [цит. по 6, с. 402–403]. Таким образом, Н.А. Добролюбов выделяет функции русской песни: она облегчает труд, освежает человека и лечит душу. Несмотря на тяжелый крестьянский труд, отбирающий много сил и здоровья, у русского крестьянина преобладало *радостное расположение духа*. Трудно даже представить себе, чтобы русский человек не пел во время работы, не говоря уже о праздниках, проводимых в хороводах, в кругу. В русской народной песне, как в капле воды, отразилась вся красота и духовная сила русской души. Девушки и женщины пели за работой – наедине с собой и в коллективе, собираясь прясть на посиделки в какой-нибудь избе [6].

Поэтичность русского народа проявляется в составлении рифмованных примет: “*На Крещение день теплый – будет хлеб темный*”; “*На Евдокеи погоже – будет лето пригоже*”; “*На Благовещенье дождь – родится рожь*”; “*На Юрья березовый лист в полушку – на Успенье клади хлеб в кадушку*”. Заметна она и в названиях, которые дал народ иконам Пресвятой Богородицы: “Неувядаемый цвет”, “Живоносный источник”, “Нечаянная радость”, “Утоли моя печали”, “Всех скорбящих радость”, “Аз есмь с вами, и никто же на Вы”, “Умягчение злых сердец”, “Споручница грешных”, “Державная”, “Благая Вратарница”, “Путеводительница”, “Взыскание погибших”, “Спорительница хлебов”, “Благодатное небо”, “Милостивая или Милующая” “Воспитание”, “В родах помощница”, “Млекопитательница”, “Целительница”, “Беседная”, “Отрада или Утешение” и т.д. [10]. Название икон, данное народом, определяет назначение Пресвятой Богородицы для молитвенного обращения к ней в разные моменты жизни крестьянина.

Речь русского крестьянина в дореволюционный период также обладала особой певучестью. Крестьяне не просто говорили, а обязательно прибавляли к своим словам по два-три глагола: “грущу-печалюсь”, “смеюсь-радуюсь”, “плачу-убиваюсь”, “не знаю – не ведаю”, “подобру-поздорову”. Это делало “язык” русского крестьянина похожим на песню [20, с. 20].

Яркую, живую, многообразную сторону жизни русских крестьян составляла *культура праздника*. От века к веку создавалось единство сложных религиозных и этических представлений, обрядов и норм, устного, музыкального, драматического, хореографического творчества. Этот особый вид народной культуры отличал-

ся цельностью и одновременно своеобразием каждого праздничного дня, приуроченного к определенной дате церковного календаря или важному семейному событию. Общая для всех русских основа праздника обогащалась местными вариантами.

Глубокая традиционность праздничной культуры русского народа сочеталась с *инновационными тенденциями*, проявляющимися в импровизации, творческом поиске ее участников. Крестьянская культура была не потребительской, а активной.

Все вышеперечисленные факты позволили создать обобщенный психологический портрет русского крестьянина дореволюционного периода, представленный совокупностью следующих качеств: трудолюбие; умение терпеливо и достойно переносить трудности, сила воли и мужество в их преодолении; глубокая религиозность и одновременно тяга к просвещению; широта русской души; соборность; милосердие и сострадание к ближнему; музыкальность и поэтичность; неразрывная связь с землей; гостеприимство, толерантность, терпение, независимость, честность; чувство собственного достоинства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архив Российского этнографического музея. Ф. 7. Оп. 1. Д. 442.
2. Балов А.В. Очерки Пошехонья // Этнографическое обозрение 1897–1900 гг.
3. Будилова Е.А. Социально-психологические проблемы в русской науке. М., 1983.
4. Быт великорусских крестьян-землепашцев. Описание материалов этнографического бюро кн. В. Тенишевой. СПб., 1993.
5. Волков В.М. Русская деревня. Труд, быт и нравы наших предков. М., 2004.
6. Громыко М.М. Мир русской деревни. М., 1991.
7. Громыко М.М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1978.
8. Достоевский Ф.М. Дневник писателя / Ред.-сост. С.В. Супрунова. Калининград, 2005.
9. Лукашевич К. Мое милое детство. Автобиографическая повесть. М., 2005.
10. Никифоров-Волгин В.А. Заутреня святителей. М., 2001.
11. Письма из деревни (Очерки о крестьянстве в России второй половины XIX века). М., 1987.

12. Пушкин А.С. Путешествие из Москвы в Петербург // А.С. Пушкин. ПСС. Т. 7. Л., 1978.
13. Российский государственный архив экономики. Ф. 396. Оп. 1. Д. 1. Л. 294.
14. Русские пословицы и поговорки. М., 1973.
15. Селиванов В.В. Год русского земледельца (Зарайский уезд, Рязанской губернии) // Письма из деревни (Очерки о крестьянстве в России второй половины XIX века). М., 1987.
16. Словарь по общественным наукам. URL: <http://www.glossary.ru/>.
17. Смольянинова Е.В. Русская песня – как бальзам для души // Славянка. 2010. № 4.
18. Успенский Г.И. Крестьянин и крестьянский труд // Письма из деревни (Очерки о крестьянстве в России второй половины XIX века). М., 1987.
19. Успенский Г.И. Из цикла “Власть земли” // Письма из деревни (Очерки о крестьянстве в России второй половины XIX века). М., 1987.
20. Шингарев А.И. Вымирающая деревня. Опыт санитарно-экономического исследования двух селений Воронежской губернии. СПб., 1907.
21. Энгельгарт А.Н. Из деревни (Письмо седьмое) // Письма из деревни (Очерки о крестьянстве в России второй половины XIX века). М., 1987.
22. Энциклопедия обрядов и обычаев. СПб., 1996.

PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF RUSSIAN PEASANTRY BEFORE REVOLUTION OF 1917

E. G. Sinyakina

*Pedagogue-psychologist, SEE SCS after A.N. Savel'ev, applicant
of laboratory of history of psychology and historical psychology, the Establishment
of the Russian Academy of Sciences, Institute of Psychology, Moscow*

Psychological characteristics of Russian people have been studied by the example of peasantry – main social group in Russian prerevolutionary society. Through the instrumentality of psychological and historical reconstruction main peculiarities of its mentality has been revealed: industry, purposefulness, curiosity, observation, religiousness, sobornost, honesty, dignity, etc.

Key words: Russian peasantry, prerevolutionary period, community, mentality.